

Глава 31. Лунный свет (VII)

Десять дней спустя на горе Семи помостов воцарилось томительное ожидание.

Мастера шести великих школ, съехавшиеся сюда со всех концов Поднебесной, томились без дела. Чтобы хоть как-то разогнать скуку, кто-то в толпе завел разговор:

— Почему Цзян Лошэня до сих пор нет? Неужели струсил?

— Да брось ты, с чего бы ему трусить, когда у него в руках такой козырь, как У Жунянь?

Лань Мулинь и Нань Ван прибыли на место одними из первых. Заметив Се Фэнлая и Ли Линчжо в окружении нескольких лучших учеников, он поспешил им навстречу.

Се Фэнлай вздрогнул от неожиданности, но, узнав лекаря, улыбнулся:

— О, Мулинь! Я ведь посылал за тобой людей. Разве вы не разминулись?

— Никого не видел, — удивился Лань Мулинь.

— Странно, — нахмурился Се Фэнлай. — Разве ты не практиковал в Янчжоу?

Один из стоявших рядом учеников Лань Мулиня вставил:

— Всё верно. Должно быть, шисюн просто слишком быстро ехал, вот ваши люди за ним и не поспели.

Пока они обменивались любезностями, в толпе пронесся гул. Лань Мулинь повернулся на шум, затаив дыхание: «Неужели У Жунянь?» Однако к площади приближался вовсе не он, а Бай Чжицю.

Лань Мулинь присмотрелся. Бай Чжицю как будто немного осунулся, но его белоснежное одеяние всё так же развевалось, придавая ему отрешённый, почти неземной вид. Следом за ним, храня бесстрастное молчание, шествовали трое его учеников: Вэнь Сяо, Чжуан Лиму и Фэн Жо. Собравшиеся послушно расступались перед ними, образуя широкий живой коридор, в конце которого гостей лично встречал первый глава Ло Сюфань.

— Прощу простить за беспокойство, — Бай Чжицю вежливо поклонился собравшимся. Он мягко и безупречно пристойно улыбался.

Лань Мулинь невольно подумал: «Интересно, когда явится У Жунянь, не прирежут ли его

прямо по дороге сюда?»

Пока Ло Сюфань приветствовал Бай Чжицю, за их спинами поползли ядовитые шепотки:

— И как только Бай Чжицю намерен поступить со своим безумным учеником?

— Как-как? Наверняка сойдутся в смертельной схватке. Раундов на триста, не меньше!

— Полно тебе. Разве Бай Чжицю похож на человека, способного на такое варварство? Верно говорю, попробует воззвать к его разуму.

— Да какой там разум! У Жунянь же невменяем, режет всех без разбору. Тут словами не поможешь.

— Как бы то ни было, сегодня Бай Чжицю обязан дать нам внятный ответ.

Пересуды не утихали. Сейчас на вершине Семи помостов собрался весь цвет боевого мира. Лань Мулинь отступил назад и негромко сказал стоявшему рядом другу:

— У Жуняня всё ещё нет.

Нань Ван, скрестив руки на груди, молча стоял в стороне. За его спиной покоился меч Одинокое облако. В толпе уже многие знали о юноше, который в одночасье прославился на всю Поднебесную, но подойти к нему никто не решался. Одно лишь суровое, застывшее выражение его лица держало любопытных на почтительном расстоянии.

Если и был в цзянху человек, безупречно владевший искусством общения, так это Бай Чжицю. Какую бы бурю он ни переживал внутри, он неизменно приветливо улыбался. Как говорится, «по улыбающемуся лицу и бить не поднимется рука». И дело было вовсе не в лицемерии — просто искреннее радушие всегда располагает к себе людей.

Вдруг гора затихла. Воцарилась мертвая тишина. Лань Мулинь сразу понял: явился он.

Толпа расступилась, образовав проход куда шире прежнего. Из глубины живого коридора, окруженный плотным кольцом людей в белых одеждах с вышитыми золотыми облаками, неторопливо шёл юноша в чёрном. Он глубоко нахмурился, и всё его лицо выражало крайнее отвращение к происходящему. От него так и веяло ледяной угрозой, словно он безмолвно предупреждал: «Подойдешь — убью». Скрестив руки на груди, он шёл уверенным шагом, а на его поясе покачивался знаменитый меч Доухань.

Окружающие буравили его презрительными, полными ненависти взглядами, но У Жунянь даже бровью не повел. Он спокойно миновал две стены из плоти и, лишь завидев впереди своего

учителя, Бай Чжицю, вдруг преобразился, расплывшись в потрясающе красивой, искренней улыбке.

Лань Мулиню редко доводилось общаться с У Жунянем лично. В бытность учеником Бай Чжицю тот считался верным союзником Башни Сокровенного Неба, но слухов вокруг него всегда ходило предостаточно. Поговаривали, что красотой он ничуть не уступает своему наставнику, а его выдающийся талант позволил ему прославиться еще в ранней юности. Он был единственным из учеников, кому Бай Чжицю великодушно дозволил использовать в бою скрытое оружие. Будучи по натуре нелюдимым и резким, У Жунянь то и дело ввязывался в неприятности, из которых учителю раз за разом приходилось его вытаскивать. Разумеется, репутация у юноши в других школах была скверной.

И всё же, несмотря на скверный нрав, Бай Чжицю души в нём не чаял. Но сегодня... в столь грозный час, как поступит великий мастер?

Бай Чжицю, поймав взгляд ученика, мягко улыбнулся в ответ — молчаливое, горькое приветствие. Трое стоявших за его спиной учеников сохраняли ледяное равнодушие, словно перед ними стоял не их шисюн, а пустое место.

Люди Башни Сокровенного Неба сгруппировались позади Бай Чжицю. Толпа разделилась на два лагеря, границей между которыми стали Башня и Павильон Без пыли. Первый глава Башни Ло Сюфань стоял мрачнее тучи, и лишь Ло Цзенин с беспечной улыбкой вовсю заигрывал с ученицами Чистого терема, будто приехал не на суд, а на дружескую попойку. С противоположной стороны адепты Павильона Без пыли переглядывались с ядовитыми ухмылками, предвкушая знатное зрелище.

— Чжун Чжили всё ещё залечивает раны? — негромко спросил Нань Ван из-за плеча Лань Мулиня.

Лань Мулинь кивнул. Он перевел взгляд на учителя и ученика — оба улыбались друг другу так тепло, будто были родными братьями. Оглядевшись по сторонам, лекарь заметил, что кое-кого здесь всё же не хватает.

В этот момент Бай Чжицю нарушил тишину:

— Я созвал вас сегодня ради одного дела.

Толпа затаила дыхание. Всем было ясно: настал момент истины. У великого мастера оставалось лишь два пути. У Жунянь рос под его крылом больше десяти лет, и теперь Бай Чжицю предстояло либо лично уничтожить отступника, либо раз и навсегда отречься от него, объявив врагом всего боевого мира. Казнить его собственной рукой или отдать на растерзание толпе — разница была огромной.

Лань Мулинь подозревал, что, зная характер Бай Чжицю, тот выберет первый вариант.

Прошлый раз именно здесь, на горе, У Жунянь прилюдно лишил жизни Цинь Лофаня, после чего умудрился ускользнуть. Но раз уж сегодня он добровольно явился на зов, значит, подготовился к худшему.

Бай Чжицю повернулся к юноше. Он внимательно посмотрел на него и тихо, но отчетливо спросил:

— Сяо-лю, признаёшь ли ты свои грехи?

У Жунянь презрительно фыркнул:

— Учитель, вы ведь уже выставили меня за дверь. С какой стати вам снова меня поучать?

Голос Бай Чжицю прозвучал негромко, но долетел до каждого уголка площади:

— Сегодня я должен дать ответ всему миру.

У Жунянь невинно, почти по-детски улыбнулся:

— Хотите лично прикончить меня, верно?

Не дав мастеру вставить и слова, он торопливо добавил:

— Я помню былую доброту и по-прежнему зову вас учителем. Но если вы обнажите против меня меч, между нами всё будет кончено. Навсегда.

В этот момент из рядов Призрачного чертога кто-то выкрикнул:

— У Жунянь! Ничтожество, забывшее о сыновней почтительности! Ты предал всё, во что верил! Если бы герой Бай в своё время не спас твою жалкую шкуру, ты бы давно сгнил в земле!

У Жунянь мгновенно огрызнулся:

— Я не причинил своему учителю никакого вреда. О каком предательстве ты лопочешь?

— Ты вырезал под корень семью его верного союзника! Разве это не подлость?!

— А когда этот так называемый «союзник» собирался уничтожить мою семью, это, по-войски, было верностью?! — ядовито рассмеялся юноша.

Один из учеников Башни Сокровенного Неба подал голос:

— То были грехи прошлого поколения! Зачем ворошить старое?!

— Грехи прошлого поколения?! — отчеканил У Жунянь. — Половина цзянху живет жаждой кровной мести, что же ты их не поучаешь?!

— Твой учитель пожертвовал ради тебя всем, а ты втоптал его имя в грязь! — не унимался ученик.

— Наши отношения с учителем — не твоего ума дело! — отрезал У Жунянь.

— А если в это дело вмешаюсь я? — негромко прервал спор Бай Чжицю.

У Жунянь посмотрел на него, и его ярость мгновенно улеглась. С мягкой улыбкой он спросил:

— И что же вы со мной сделаете, учитель?

Лицо Бай Чжицю казалось абсолютно бесстрастным, однако Лань Мулинь заметил, как едва заметно дрожали кончики его пальцев. О самообладании этого человека ходили легенды — поговаривали, что из него вышел бы идеальный буддийский монах, не посвятив он всю свою жизнь воспитанию четверых учеников. Но сейчас эта маска спокойствия давалась ему с огромным трудом.

Со своего места Лань Мулинь мог отчетливо видеть малейшие изменения в мимике мастера. Тот по-прежнему улыбался, но в его вопросе сквозило бессилие:

— А как, по-твоему, я должен поступить?

«Должно быть, он разгневан до глубины души, раз опустил до таких расспросов», — подумал лекарь.

Улыбка У Жуняня стала шире. Из этих слов он понял главное: учитель всё ещё не готов его убить.

— Учитель, долг крови уплачен, — тихо произнёс он. — Я могу вернуться?

Прежде чем Бай Чжицю успел ответить, стоявший позади него Фэн Жо с сухим звоном обнажил меч.

— Бесстыжая тварь! — ледяным тоном бросил он.

У Жунянь лишь мельком взглянул на него и усмехнулся:

— Жо-эр, к чему эта ярость?

Бай Чжицю мягко положил ладонь на гарду меча своего ученика:

— Не спеши.

Фэн Жо нехотя вернул клинок в ножны, но его взгляд оставался смертельно холодным. «Похоже, эти двое никогда не ладили», — сделал мысленную заметку Лань Мулинь.

Бай Чжицю проигнорировал выпад. Всё с той же мягкой, печальной улыбкой он тихо произнес:

— Если бы я только знал, к чему всё приведёт... я бы никогда не принял тебя в ученики.

Лицо У Жуняня на миг осветилось нежной, почти детской признательностью:

— Но у прошлого нет сослагательного наклонения, учитель.

Раздался чистый, поющий звон — Бай Чжицю обнажил меч, Хватающий луну. Его взгляд мгновенно стал ледяным и решительным:

— Я сам взрастил этого зверя, мне его и усмирять. — Он обернулся к застывшей позади толпе:
— Не вмешиваться. Это личное.

У Жунянь тоже выхватил свой клинок, Доухань. Он зло усмехнулся:

— В таком случае не вините меня за непочтительность.

Собравшиеся поспешно отступили, образовав широкое кольцо для поединка. Нань Ван порывался рвануться вперед, но Лань Мулинь крепко схватил его за рукав:

— погоди. Не вмешивайся, просто смотри.

Юноша послушно замер, устремив взгляд на арену.

Бай Чжицю славился в цзянху как благородный праведник, и ученикам его школы строго-настрого запрещалось использовать подлые приемы и скрытое оружие. Единственным исключением был У Жунянь. Проведя подле наставника долгие годы, юноша досконально изучил технику меча школы Погруженных облаков. К тому же он втайне овладел искусством

ядовитых насекомых и техниками иллюзий. Исход этого боя был совершенно непредсказуем.

Сталь столкнулась со сталью со звонким скрежетом.

Бай Чжицю атаковал первым. Молниеносным движением левой руки он выхватил второй клинок, обрушив на противника яростный град ударов. У Жунянь уклонился, ушел перекатом в сторону и попытался достать учителя со спины. Однако левый меч Бай Чжицю мгновенно заблокировал выпад, а правый уже несся к ребрам юноши.

У Жунянь изогнулся всем телом, чудом избежав ранения, взмыл в воздух и метнул свой клинок прямо в грудь наставника. Тот с легкостью отбил летящую сталь мечом Ланьюэ и одновременно запустил свой левый меч в ответ. У Жунянь увернулся и попытался перехватить оружие на лету, но удар был настолько силен, что юношу отбросило на несколько шагов назад.

Это была битва равных — смертельный танец двух лучших мастеров эпохи, трагедия учителя и ученика. Сбравшиеся, хоть и повидали на своем веку немало сражений, заворуженно следили за происходящим, не в силах отвести глаз. В толпе то и дело вспыхивали приглушенные, взволнованные возгласы.

Лань Мулинь хмурился. Сейчас был идеальный момент для скрытой атаки, но У Жунянь почему-то медлил.

В секторе Павильона Без пыли третий глава Тан Хэжу потерял терпение:

— Что творит этот негодник У Си?!

Стоявший рядом Цзян Лошэнь процедил сквозь зубы:

— Смотри молча.

Бай Чжицю на лету перехватил Доухань и швырнул его в сторону западной трибуны, где стояли люди Башни Сокровенного Неба. Ло Цзенин поймал оружие за рукоять и весело крикнул:

— Моё!

Лишившись своего главного клинка, У Жунянь выругался, но успел поймать брошенный ему учителем второй меч. Едва пальцы сомкнулись на рукояти, юноша потрясенно замер, он широко раскрыл глаза. Бай Чжицю не упустил секундного замешательства — его Ланьюэ описал стремительную дугу, целясь в горло. У Жунянь отшатнулся, едва разминувшись со смертью, и в ярости отбросил перехваченный меч в сторону.

— И это великий праведник боевого мира?! — выплюнул он с безумным смехом. —

Оказывается, и вы не гнушаетесь грязных трюков!

Лишь после этого выкрика толпа заметила, что с правой ладони У Жуняня обильно капает кровь.

«Неужели рукоять была отравлена или утыкана шипами?» — пронеслось в голове Лань Мулияня. Он быстро перевел взгляд на левую руку великого мастера. Тот прятал ладонь в широком рукаве, но на белом шелке уже расплывалось багровое пятно. Оба двигались с умопомрачительной скоростью, и неискушенный зритель вряд ли заметил бы эти детали.

Потеряв Доухань, У Жунянь лишился превосходства в ближнем бою и был вынужден прибегнуть к скрытому оружию. Но как бы ни были стремительны его смертоносные иглы, Ланьюэ в руках Бай Чжицю двигался еще быстрее, со звоном отбивая каждую атаку. Юноша явно сдавал позиции, раз за разом пропуская опасные выпады. Схватка затянулась, но финал по-прежнему оставался туманным.

Каждый в цзянху знал: мастера скрытого оружия сильны лишь в молниеносной атаке. Именно по этой причине Чистый терем принимал в свои ряды исключительно женщин — их природная ловкость и гибкость позволяли завершить бой в первые же мгновения. Истинный же мечник, пока держит оружие в руках, способен без усталости сражаться часами. Оставшись без верного клинка и увязнув в затяжном противостоянии, У Жунянь неизбежно начал выбиваться из сил.

Загнанный в угол, юноша отчаянно оскалился. Увернувшись от очередного удара, он взмахнул рукой, и из его рукава с тихим свистом вырвался пурпурный наручный нож, нацеленный мастеру точно в горло.

Бай Чжицю словно ждал этого. Слегка качнувшись в сторону, он пропустил лезвие мимо себя и резким круговым движением Ланьюэ перерезал тянувшиеся за ним невидимые нити. Серебряные струны с сухим треском лопнули, и нож бесполезно рухнул на камни.

В ту же секунду У Жунянь выбросил веер летающих игл Ивового листа. Бай Чжицю отразил их все до единой, но внезапно покачнулся и сделал несколько неверных шагов назад. Пользуясь заминкой, юноша рванул уцелевшие нити, мгновенно опутав лезвие Ланьюэ, и с силой потянул на себя. Великий мастер не удержался на ногах и протащился вперед на несколько шагов.

Пока Лань Мулинь пытался понять, что происходит, со стороны трибун просвистел серебряный росчерк. Меч вонзился точно между противниками.

Лекарь так и замер. Это был меч Цзею!

Тот, кого они так долго ждали, наконец явился.

Натянутые серебряные нити лопнули. Бай Чжицю рванул клинок на себя и потрясенно замер.

В круг воинов стремительным шагом вошел Хо Пиншэн.

— Бай Сюй, безумец! Что ты творишь?! — яростно прокричал он.

— А ты еще зачем приперся?! — зло огрызнулся У Жунянь.

Хо Пиншэн ринулся вперед, намереваясь разнять их, но Бай Чжицю резким, выверенным движением полоснул Ланьюэ снизу вверх, срезав добрую половину левого рукава У Жуняня. Мастер даже не взглянул на незваного гостя — всё его внимание было сосредоточено на противнике. Но стоило ему замахнуться для решающего удара, как колени его подогнулись. Он пошатнулся и начал заваливаться назад.

«Неужели яд на рукояти подействовал?» — похолодел Лань Мулинь.

У Жунянь не упустил этот миг слабости. Подобрал с земли брошенный меч, он одним слитным движением бросился вперед и вонзил клинок точно в грудь наставника.

Сталь вошла беззвучно и глубоко. Белоснежные одежды Бай Чжицю мгновенно окрасились багровым. Лань Мулинь взгляделся в лицо юноши — пальцы У Жуняня, сжимавшие рукоять меча, безудержно дрожали.

Площадь взорвалась потрясенными криками. Никто не ожидал подобной развязки! В то роковое мгновение Бай Чжицю определенно мог уклониться — почему же он позволил нанести этот удар?!

Великий мастер даже не пытался бороться за жизнь. Он смотрел с бездонной, тихой тоской, но в его взгляде не было ни капли страха или боли. Он слабо и прощально улыбнулся. Собрав последние силы, он приподнял руку, сжал дрожащие пальцы У Жуняня на рукояти меча и прошептал несколько слов.

У Жунянь в мгновение ока побелел как полотно.

Хо Пиншэн застыл на полшага. Широко раскинув руки, он преградил путь рванувшимся было ученикам — Вэнь Сяо, Чжуан Лиму и Фэн Жо. Его лицо исказила судорога сдерживаемой боли. Он долго, тяжело смотрел на У Жуняня, а затем бессильно опустил голову и горько вздохнул.

Бай Чжицю медленно закрыл глаза и повалился навзничь.

Словно громом пораженный, У Жунянь пошатнулся и отступил на несколько шагов назад. Его окровавленная левая ладонь безжизненно повисла вдоль тела. С безумным, остекленевшим взглядом он смотрел на бездыханное тело учителя. Он беззвучно пытался что-то сказать, но из горла не долетало ни единого звука. Пока растерянная толпа пыталась осознать случившееся, юноша вдруг страшно, нечеловечески закричал и рухнул на колени.

Прежде чем Лань Мулинь успел прийти в себя, У Жуняня согнуло пополам. Из его груди вырвался глухой хрип, и он выплюнул фонтан темной крови — казалось, вместе с ней из него вылетала сама жизнь. Искаженное судорогой лицо было неузнаваемо. Запрокинув голову, он взывал к небесам:

— Бай Суй!!!

Ответом ему был лишь свист ветра. И тогда юноша зашелся в безумном хохоте. Окружающие испуганно переглядывались. Не оставалось сомнений: разум покинул несчастного.

Хо Пиншэн отстраненно наблюдал за этим безумием. Наконец он медленно подошел к павшим, вернул свой меч Цзею в ножны и опустился на одно колено. Бережно, стараясь не тревожить рану, он извлек вонзенный клинок из груди друга, а затем осторожно поднял безжизненное тело на руки.

У Жунянь, содрогнувшись всем телом после кровавой рвоты, тяжело повалился ничком на холодные камни. И больше не шевелился.

Трое учеников Бай Чжицю молча смотрели на поверженного шисяна. На их лицах не отразилось ни жалости, ни торжества — они лишь нахмурились. Они безучастно наблюдали, как Хо Пиншэн с телом их наставника на руках подошел к ним и негромко скомандовал:

— Ведите на хребет Погруженных облаков.

Не проронив ни слова, трое развернулись и начали спускаться с горы, увлекая Хо Пиншена за собой.

Оставшиеся на вершине мастера растерянно переглядывались, не понимая, что только что произошло на их глазах. Тело У Жуняня по-прежнему неподвижно лежало на земле. Один из адептов Павильона Без пыли осторожно подошел к нему, перевернул лицом вверх и прижал пальцы к сонной артерии. В ту же секунду он ужаснулся.

— Что там? — резко спросил первый глава Ло Сюфань.

Но ответить ученик не успел.

Внезапно воздух над горой задрожал. Небо наполовину заволокло зловещей темной тучей, и с небес лавиной обрушился смертоносный стальной дождь — тысячи стрел с гулом полетели прямо на ряды Башни Сокровенного Неба!